

ЕЛЕНА БУЛАТ

УСПЕХ АЛЕКСАНДРЫ

— ✦ Хроники Правды и Морока ✦ —

Что можно отдать ради успеха?

Елена Булат

Успех Александры

<https://litres.ru/74430948>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая книга из Цикла "Хроники Правды и Морока".

Александра привыкла брать от жизни всё. В девяностые она сделала первый шаг к успеху — и оставила за спиной человека, которому доверяла. Годы спустя у неё есть всё, о чём другие только мечтают: деньги, влияние, красивый офис в Москва-Сити. Кажется, прошлое давно осталось там, в 1993-м. Но некоторые поступки не заканчиваются в тот день, когда их совершают.

Когда в идеально выстроенной жизни Александры начинает рушиться то, что казалось незыблемым, ей придётся узнать страшную вещь: у успеха есть цена. И иногда расплачиваться приходится не деньгами, не карьерой и даже не свободой. А тем, что ты считал своим навсегда.

Елена Булат

Успех Александры

«Успех Александры»

Вторая книга из Цикла «Хроники Правды и Морока»

1 декабря 1993 г.

В комнате общежития стоял знакомый до мельчайших запахов дух. Чай в гранёных стаканах тихонько дымился, булочки наполняли обычную комнату сдобным запахом. На стекле окна выступали мелкие завитушки морозного рисунка. В комнате было тепло: Саша и Вика пару дней назад заткнули старой ватой, выданной комендантом, разохшиеся от старости оконные рамы.

Студентки сидели за столом, пили чай, уплетали столовские булочки и обсуждали мальчиков, с которыми после пар сходили в кино. Поджав под себя стройные ноги в простых серых колготках, сидела Вика. Она накручивала золотистую прядь на палец и заразительно смеялась, запрокидывая голову, рискуя подавиться или захлебнуться.

— Нет, Сашка, ты бы видела его пальто! — звенел Викин

голос. — Воротник каракулевый, а сам плечиками втянут, словно его сейчас в угол поставят. Этот Олег за весь вечер два слова связал, пока мы до кинотеатра шли. «Вика, вы любите французское кино?» Тьфу ты, тоска зеленая!

Девушка сидела рядом и смотрела вперёд невидящим взглядом. В отличие от подруги, у неё не было ни времени, ни привычки беззаботно раскидываться людьми и шансами. Ей Петя, который достался ей на этом парном свидании, приглянулся. Одежда? Это дело поправимое. Он был умён, хорошо говорил, ну и пусть чуть ниже ростом. Жаль, но не настолько. Перспективный. Вариант неплохой.

За окном темнело по-зимнему рано. Белые завитушки ползли по оконному стеклу от самого края, оставляя посередине прозрачное пятно. Саша несколько секунд смотрела на этот рисунок, прежде чем Викин смех вернул её в комнату.

— А мне Петя понравился, — негромко, но с твёрдой интонацией отозвалась девушка, поправляя воротник шерстяного свитера. — Выглядит надёжно. На юридическом у него твердая четверка, а отец, говорят, в арбитраже сидит. Такой не пропадет. И рядом с ним не пропадешь.

— Да брось ты, Сашка! Тебе лишь бы все с пользой, да с расчетом, — отмахнулась Вика, легко соскочив с кровати.

— Молодость же! Четвертый курс! Когда еще гулять, если не сейчас?

Они обе были гордостью юридического факультета, звёздами курса. Но если для Вики учёба была естественным и лёгким продолжением жизни — с её профессорской семьёй и открытыми возможностями, — то для Саши за каждым зачётом стояли бессонные ночи и вечный, гложущий страх оказаться на обочине.

Родители Вики относились к ее “простой” подружке хорошо, даже с уважением: та всего добивалась сама, поэтому в случае чего они вполне бы может могли помочь ей с работой. Но Саше эта возможность казалась призрачной. За вежливыми улыбками родителей Вики ей с детства чудилось едва заметное снисхождение — будто они всё-таки смотрели на неё и её родителей сверху вниз. Они — интеллигенция. Семья Саши — типовой пролетариат. Неудачники. И юная Сашенька ещё со школы знала: место, которое досталось ей от рождения, — не её место. Она сделает всё возможное и невозможное, чтобы выбраться из него и никогда больше не вернуться.

2 декабря 1993 г.

Утро для Саши началось не с привычной лекции по меж-

дународному праву. Она, как староста, забежала к секретарям в деканат для выполнения своих обязательств по организационным вопросам группы. Замдекана позвала её срочно к себе, так передала секретарь. Девушка поправила одежду, выпрямилась и постучала в добротную, но уже пошарпанную дверь.

— Входите, — быстро ответил сиплый женский голос.

За массивным столом, заваленным папками, под портретом президента Бориса Ельцина, на месте которого ещё два года назад и много-много лет до этого «висел» Ленин, сидела, по всеобщему мнению, матёрый юрист, замдекана юридического факультета Смагулова Акерке Шинфысхановна. Она быстро подняла голову, не улыбнулась, кивнула, приглашая старшекурстницу сесть. Её пристальный взгляд через массивные роговые очки смотрел будто насквозь.

— Александра Евгеньевна, разговор серьёзный, — Акерке Шинфысхановна сделала паузу, чтобы девушка напряглась. Саша напряглась. — Страна меняется, сами видите. Законы переписываются на ходу, приходит новый капитал, создаются коммерческие организации на смену советским государственным предприятиям. В Москве открылось совместное предприятие — огромный финансово-промышленный холдинг с иностранным участием. Один из завтрашних

локомотивов страны. На нас вышли, обратились к ректорату: им нужен стажёр на ведущее юридическое направление — молодой, толковый, способный. С перспективой не только войти в штат, но и со временем возглавить юридический сектор компании. Персональный оклад в валюте. Командировки за границу.

У Саши сердце заколотилось как бешеное: «Господи, вот оно! Неужели я дождалась?!»

Внутренне она уже ликовала.

«Валютный оклад. Заграница. Москва! Это не просто интеллигенция — это вообще другой уровень. Международный! Такая стажировка — не просто хороший старт. Это билет в совсем другую жизнь, где больше не придётся штопать единственные сапоги и дрожать перед каждой задержкой стипендии», — бешено крутились мысли в её голове.

«Да пусть подавятся родители Вики со своим снисходительным терпением простушки-подружки в жизни их дочери. Теперь они и такие, как они, сами будут становиться в очередь, чтобы попасть в её круг общения. А я уж не подведу!».

Девушка впервые почувствовала не просто радость от

открывшейся возможности. Она почувствовала, что наконец-то отрывается от своей прежней жизни.

Саша повернула голову к окну справа от замдекана. На подоконнике стоял алоэ — длинный, заваливающийся набок стебель тянулся к крохотным клочкам света. Его давно пора было рассадить, но Акерке Шинфысхановна, видимо, цветочницей не была.

Вокруг уродливого стебля торчали цветные карандаши — они служили растению подпорками, но не слишком помогали. Слишком длинный ствол и тяжёлая макушка клонили его прямо к стеклу. От холода листья пожухли, по краям стали коричневыми.

«Бедняга», — подумала Саша.

За окном лежал старый район: низкие обшарпанные дома, чёрные силуэты деревьев на белом, неуместно нарядном снегу.

— Но есть одно «но», — замдекана развела руками, вырвав Сашу из задумчивости. — Место всего одно. Кафедра выдвинула вас и Исакову как лучших студентов по успеваемости. Руководство холдинга поставило условие: окончательное решение они примут строго по итогам зимней сес-

сии и рекомендаций от деканата. Кто окажется перспективнее — та и поедет в Москву. А сессия, напоминая, на носу: в декабре уже первые зачёты. Готовьтесь.

Саша улыбнулась, собранно, сдержанно.

— Это отличная новость и для меня, и для Исаковой. Огромная возможность для каждой из нас. Мы не подведём. А уж вы решите, кому, по-вашему, это место нужнее, кто серьёзнее настроен на результат, для кого эта стажировка действительно важнее.

Саша ответила таким образом специально. Ещё перед поступлением ей попалась статья Владимира Тарасова об управлении и социальных технологиях, написанная ещё в 1967 году. Оттуда она впервые узнала о социальных технологиях и поняла: умение убеждать — это её козырь. Возможно, именно тот, который поможет ей выбраться из нищеты и постоянного страха за будущее. Она училась, тренировалась, осваивала техники на знакомых, не без успеха.

Акерке Шинфысхановна усмехнулась. Девушка поняла, что та её раскусила. Ну, и ладно, ну, и хорошо. Уметь вести переговоры — это главное качество для юриста. А она всего лишь студентка, учится, поэтому ошибиться не страшно пока еще. Зато замдекана увидела, что та упражняется в на-

выках убеждения, что она серьёзно относится к своему будущему в качестве юриста. Плюс очко.

На длинной перемене, в очереди в буфет Вика обсуждала вчерашнее свидание. Рассказала, как Олег сегодня к ней подошёл, караулил перед первой парой. Поздоровался, пожелал хорошего дня. Вика в разговоре над Олегом смеялась, но не по-злому.

— Понравился, что ли? — жуя пирожное «корзинка», спросила Саша. Она знала свою подругу как облупленную: раз болтает много, значит, чем-то зацепил, значит, не всё равно. Хотя у всех так.

— Что? - удивилась Вика. Стала серьёзной. — Глупости! Кто он и кто я?

— Ну, ты у нас невеста всем на зависть, — вырвалось у Саши. Ехидство едва удалось прикрыть безразличием.

Вообще она такого себе не особо позволяла. Вика хорошая, она никак не показывала за многие годы дружбы своё социальное превосходство перед Сашей, свой достаток, не кичилась этим, наоборот часто выручала подругу, то вещичкой, то косметикой, то украшением. И от этого прямо сейчас Вика сильно и разозлила. Она должна быть высокомерной и

стервозной. А вместо этого Вика — хорошая! Такую ненавидеть тяжело.

Машинально жуя, быстро запихивая в себя остатки корзиночки, Саша торопливо запивала чаем. Обожглась, но допила, чтобы добро не пропадало. Параллельно она придумывала предлог уйти от Вики.

— Меня в деканат вызывают, надо там заполнить бланки для зачётов, ну, и всё такое. Я побегу, чтобы за сегодня сделать и на завтра не оставлять. Не жди меня. Увидимся.

Вика кивнула и посмотрела в окно, спокойно дожёвывая своё пирожное. Она о чем-то задумалась и улыбнулась сама себе.

Новость о стажировке зудела. Но Саша чувствовала нутром, что надо пока промолчать. Из буфета она поднималась по лестнице на восьмой этаж туда, где находилась её кафедра. Следует набирать баллы перед деканатом и кафедрой, времени не так много. С каждым пролётом становилось тише. На нижних этажах хлопали двери, кто-то смеялся, пахло табаком. Здесь, наверху, коридор уже почти вымер: сюда доходили только студенты кафедры, а не студенты всех потоков и курсов, как на этажах ниже.

Саша шла быстро, прижимая к себе папку. Ей казалось, что она поднимается не просто на восьмой этаж, а куда-то, где всё уже принадлежит ей. Вдруг ей показалось, что кто-то только что прошёл за ней. Саша обернулась. Никого.

— Господи, — пробормотала она и пошла дальше.

Весь день, в свободное от пар время, студентка Александра Евгения Говорова провела на кафедре. Закрыла все свои “хвосты” по заполнению журналов, списков, бланков, любезничала с пожилым и приветливым завкафедрой, он угостил ее чаем за беседой о будущем для юристов в Новой России, помогла секретарю по мелочи, на что никогда не хватало времени.

В общежитие Саша возвращалась в приподнятом настроении, всё больше убеждая себя, что Вике вообще не нужно ничего говорить. Сомнения, правда, оставались. С одной стороны, если Саша промолчит, а выберут Вику, для той это станет всего лишь приятным неожиданным сюрпризом. С другой — если возьмут Сашу, Вика не дура, понять должна.

Саша ведь не делает ничего плохого. Она просто не помогает человеку там, где помощь ему совершенно не нужна. Вике и без этой стажировки ничего не грозит: родители помогут, связи есть, дорога в жизнь открыта. А для Саши это

действительно может быть единственным шансом выбраться из той жизни, в которой она родилась.

Чем больше она об этом думала, тем убедительнее звучало собственное объяснение. Она не отнимала у Вики шанс, а всего лишь впервые решила не отдавать свой.

Идя по коридору, увидев Вику на кухне, варящей пельмени, Саша задержалась. Вика ее не видела, мешала ложкой воду и пританцовывала.

“Беззаботная!”. Слово возникло само собой. Внутри что-то неприятно кольнуло. Ещё одна капля упала на чушу весов в пользу молчания, но та пока оставалась неподвижной.

Тяжесть в груди становилась всё ощутимее, мешая глубоко вздохнуть.

«Что же делать?» - не окликая подругу, Саша прошла дальше, к их комнате номер десять.

Комната не пуста. Полыхающий черными тенями плащ Морока заполнял половину пространства, теряясь в стенах. Его высокая фигура показалась здесь не уместна входящей молодой женщине, если бы она его видела. Но Саша не видела. Она не видела ничего. Голова и глаза ее густо залепле-

ны пеплом.

Входя в комнату, Саша втаскивает на себе старуху, уцепившуюся за нее руками вокруг торса на уровне груди. Сухая и растрепанная старуха держится крепко, она сильная и легкая, ее тонкие кривоватые ножонки не достают до пола. Вошедшая молодая женщина не замечает ее, тяжело вздыхает, разувается, ставит растоптанные сапоги у двери так, чтобы входить и выходить они не мешали, снимает тонковатый для сибирской зимой дешевый пуховик, вешает на крючок тут же над обувью. Вешает сумку на край кровати. Подходит к окну, слепо смотрит в него, проводит пальцем по морозному узору.

— Когда прилипла? – низкий густой голос Морока разносится по комнате.

Старуха поворачивает на него голову вокруг своей оси неестественно, так как женщина у окна стоит в нему спиной. Один глаз посередине лба, над крючковатым носом. Ее голос как скрип, слов не разобрать, но Морок ее понимает.

— Давно за ней хожу, иногда трогала, приобнимала, все никак. Сскользящая рубашка. А ссегодня ссс нее пленка ссошла и ссстало легко цепляться. На лессстнице, когда она шла на кафедру. Долго она еще так поднималась, обычно на

лифте, а тут пешком. Думки у нее подходящие стали. Вкусные. Ну, я и ухватила сссь, когда пленка иссчезла, уловила момент, - старуха повернула голову на бок, смотря на Морока.

Он кивает одобрительно.

— Правды не встретила?

Старуха харкающе со свистом смеется. Цепко проходится по Мороку взглядом.

— Рядом ссс ней — нет, - нахохотавшись отвечает старуха.

— Я чувствую ее здесь, - голос Морока задумчив, он переплетает руки на свое могучей груди — вторая женщина здесь живет, к ней приходит Правда, приходится наносить пепел заново.

— Значит она еще вернетссь, раз ходит долго, значит вторая ссстоит того. Просссто так Правда не откажетссь от своего, не отдасст.

— Да, Правда не расточительна.

Женщина у окна вдруг разворачивается, берет чайник со стола, пакет с заваркой и шаркает к выходу. Со старухой походка ее стала дефектной.

— К концу недели глаз отдасст, — свистит старуха и разворачивает лицо к облепленному пеплом затылку выходящей, — запечатаю ее.

Тонкие черные частицы облаком мечутся по комнате. Запах сухой травы наполняет ее отчетливо, люди замечают.

Морок на слова старухи кивает. Делает длинный шаг к противоположной кровати той, где висит сумка, и садится на нее. Панцирная сетка общаговской кровати не проваливается, словно тяжести сверху нет никакой.

Здесь пепел не оседает, плохо держится. Недоступная ему и такая манящая богиня Истины, которую он страстно желает и боится до самой пронзительной боли одновременно, часто здесь стоит и вяжет свои простыни. Чистое их сияние растворяет любые тени и его пепел. Но дело нужно делать. Морок взмахивает рукой, и новая порция пепла с горящими огненными всполохами заполняет комнату. Пепел падает на кровать, остается здесь, но не охотно.

Здесь Правду он не встретит, только будет чувствовать ее

присутствие.

Морок хмурится. Его плащ закручивается смертельной воронкой и переносит его в свой навий Дворец. Там ждет его возлюбленная Кривда. Каждый раз соприкасаясь с ней, он словно касается ее сестры.

Опустевшая комната наполнилась запахом вареных домашних пельменей. Вскрытая банка с маринованными огурцами дополнила его кисловатым уксусным запахом.

Две студентки, Вика и Саша, уплетали еду за обе щеки, прихлёбывая сладкий чай. Вика, златокудрая хохотушка, рассказывала, как Олег сегодня наступил ей на ногу — прямо на недавно прооперированный палец. Она огрела его сумкой, а потом извинилась.

— Надо же, какой меткий! Из всех пальцев и всех ног он выбрал мою, с больным пальцем! — Вика рассмеялась и хлопнула по столу ладонью.

Невидимый людям пепел взлетает вверх от хлопка молодой женщины.

— Это судьба, — комментирует Саша, бойко засовывая очередной пельмень в забитый пеплом рот. Старуха, скрю-

чившись, разместила голову ей на плечо, смачно причмокивает, словно она тоже ест пельмени.

За окном, куда девушки иногда бросали взгляды во время разговора, было темно. Только редкие фонари выхватывали из мрака очертания чёрных спящих деревьев. Белая Луна, похожая на большой уменьшающийся круг — словно от него кто-то методично откусывает по куску — висела прямо посередине окна.

Саша, сделав все дела, легла в одиннадцать, как обычно. Спала она плохо, а на утро проснулась совершенно разбитой.

3 декабря 1993 г.

Ранним зимним утром, когда ночь ещё держит город в своих свирепых объятиях, кто любит вставать? Вот и Саша не любила, но вставала. А в это пятничное утро было особенно тяжело. Она открыла глаза с таким чувством, будто всю ночь ворочала бетонные плиты.

В висках зарождалась тупая, тягучая боль. Саша знала, что её ждёт. Не успеет выпить «Цитрамон» — весь день ко-ту под хвост. Она силой воли распахнула тонкое шерстяное одеяло. Тело обдало ледяным воздухом.

— Вика, — просипела Саша, голос свой она не узнавала, — вставай, пары.

Подруга заворочалась, скрипнув кроватью.

— Ммм, — застонала она, — да-да.

Она продолжала спать, а отозвалась машинально.

Обычно Саша встает первая, подбуживает Вику, пока собирается, и та нехотя, но стаскивает себя с нагретой кровати. Но сегодня сил да и энтузиазма на это не было. Саше было плохо. Подташнивало. Разгорающаяся мигрень. Как-то необычно холодно, хотя из окна не дуло. Она вяло включила свет, нашарила в шкафу аптечку, нашла таблетку, проглотила не запивая. Это её «суперспособность». Начала натягивать одежду. К горлу подступил ком. Саша замерла. Бежать в туалет? Или в ведро?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.